
ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.11)*

УДК 101

В.М. Соколов, А.В. Стомба*Бирский филиал Башкирского государственного университета**г. Бирск, Республика Башкортостан, Россия*

sokolov-vlad@mail.ru

**ФИЛОСОФИЯ РАДОСТИ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАЧЕСТВА*****[Vladimir M. Sokolov, Andrey V. Stovba******Philosophy of joy in everyday culture of the Cossacks]***

It is carried out the analysis of the philosophical concept of "joy of life", which has a number of axiological cultural markers, such as the variety of meanings, some of which are universal, others – individual, others – are due to national and mental characteristics. Analysis of the above judgments makes it possible to conclude that the joy of life is not only one of the primary values of individual existence, but also the one that allows to evaluate all other phenomena and qualities. Special attention is paid to the interpretation of the category "joy of life" in everyday culture of the Cossacks. In the current understanding of the Cossacks the idea of the joy of life there was a significant transformation. The article shows the philosophical and historical retrospective of the formation and change of the content of the concept of "joy of life".

Key words: joy of life, Cossacks, tradition, values, culture, idea of happiness, mentality, diligence, hedonism, holiday, consumerism.

Культура повседневности является составной частью общей культуры и включает в себя образ жизни человека во всем многообразии ее проявлений, основанной на системе отношений повседневных связей между членами группы, в единство ее культуры, происхождения и истории. Собственно, бытовая культура любого народа охватывает всю совокупность производимых и потребляемых этносом культурных явлений как специфических для данного этноса, так и элементы общечеловеческой культуры. Ощущение радости от гармоничного восприятия жизненной целостности бытия было характерно для мирозерцания различных по ценностным ориентирам народов.

Традиционная культура и быт казачества выработали свой неповторимый комплекс ценностей, связанных с особенностями духовного мира казачества, его само- и мировосприятия, элементом которого является философия радости жизни как одна из составляющих их идентичности. В ходе эволюции казачество приобретало свои этнические и социокультурные черты идентичности – от манеры одеваться до своеобразия национальных праздников, а также весь разнообразный спектр взаимоотношений, поступков, идеалов, правил, формы коммуникаций и ценностных ориентаций.

Одной из важнейших среди проблем, подлежащих ценностной рефлексии, является проблема понимания концепта «радости жизни» как экзистенциального основания духовной и социальной реальности. В разные исторические эпохи сторонники гедонистической и эвдемонистической этики понимали значение моральной природы радости как разновидность счастья или удовольствия. В самом деле, когда философ говорит, что радость есть то, что приводит к удовольствиям или счастью, он молчаливо подразумевает, что само удовольствие или счастье является радостью. Несмотря на то, что психоэмоциональное состояние радости жизни является понятием духовным, а не онтологическим, именно это состояние выступает, с нашей точки зрения, воплощением смысложизненного бытия человека во внешнем мире и мерой его благополучия и счастья в жизни. Духовная и эстетическая философия редко обращается к этой тематике в силу экзистенциальной направленности, рассматривая ее как отражение внутренних переживаний человека.

Этнокультурные традиции казачества складывались веками, переживая воздействие различных религиозных и идеологических ценностей, множества культур и социальных систем. Изменение социальных условий определяло и неизбежные сдвиги ценностных ориентаций в мировоззрении казаков. Несмотря на это, этническое своеобразие повседневной культуры имеет в казачестве совершенно особое и уникальное значение. И одной из таких особенностей было естественное состояние радостного отношения к жизни. Оно складывалось из множества ценностных составляющих: любовь к Родине и патриотизм, общинность и коллективизм, семейные ценности и ценность свободы.

Но проблема оценивания радости жизни невозможна без ее внутреннего стержня – православной традиции. Казачья культура немыслима вне право-

славия. В русской религиозной традиции сложилось представление, что радость представлена как благодать, исходящая от Бога. Для всех христиан вера является одним из самых мощных и чистых источников радости. Возможно, поэтому радостное – связанное с небесным, печальное – связанное с мирским. Вопрос о ментальных особенностях концепта «радость жизни» в отечественной философии имманентно присущий в религиозной картине мира, где репрезентируется оппозиция «радостное – печальное». Эта же оппозиция будет сохраняться практически во всей русской культуре, в художественных и философских текстах.

Своеобразие современной постановки философской проблемы радости жизни в контексте повседневной культуры казачества связано не в последнюю очередь с осознанием ее неоднозначности и размытости в ментальном понимании различных поколений российских казаков. Например, А. Гуревич определял «ментальность» как «психический инструментарий», «духовную оснастку», «специфическую структуру сознания», «осознание людьми самих себя, природного и социального окружения»; как не сформированные явно, не высказанные эксплицитно, не вполне осознанные в культуре умственные установки, общие ориентации и привычки сознания; как расхожую психологию и миропонимание, способ мировосприятия [1].

Заметим, что ментальность бессознательна, она эмпирически понимается и поведенчески реализуется, но не имеет чёткой формулировки дефиниции. Ментальная обусловленность концепта «радость жизни» проявляется, когда контекстуально указывается мировоззренчески ориентированная смысловая единица, которая культурно маркирована, является продуктом коллективного мышления, хранится в сознании личности и объективируется в общественной жизни. Семантическое поле этого феномена обусловлено не только общекультурными ценностями, но и национально-культурной спецификой и эксплицирует разнообразие смыслов, некоторые из которых являются универсальными, характерными для всех людей (счастье, восторг, смех, удовольствие), другие являются индивидуальными.

В постмодернистских условиях реконструкции субъекта для нас важным является исследование представленного различными модусами радостного антиэскапического бытия в пространстве традиционной казачьей субкультуры. В энциклопедических и учебных изданиях, отмечается, что казачество,

как целое, отличает деловитость, аккуратность, устойчивый быт, стремление к сытой жизни, культ крепкого хозяина и чувство собственного достоинства, порой гипертрофированное [3; 4; 5]. В этой связи перед исследователями возникают проблемы ценностного анализа не только социокультурных и исторических процессов в процессе возрождения современного казачества, а пристального изучения ценностей индивидуального и общественного бытия казаков в контексте их смысложизненных ориентаций.

Проследить историко-философские трансформации концепта «радости жизни» в казачьем мировоззрении можно на примере литературного творчества М.А. Шолохова, которого заслуженно называют певцом казачества. Феномен радости жизни в художественном творчестве М. Шолохова приобретает для современника философское значение, так как в нём представлен во многом правдивый опыт повседневности, понятный и прозрачный для восприятия и дополнения в отличие от релятивистских концепций – как структурализм, конструктивизм, постмодернизм.

Разумеется, тексты Шолохова лишь частично отвечают на эти вопросы (отчасти сам писатель считал тему праздничности настолько очевидной для читателя, что она и не заслуживала в то время особого внимания), поэтому и ставится нами цель внимательно изучить уже описанный классиком позитивный опыт праздничного и «серьезного» бытия, которое воспринимается как онтологически очищенное от явного притворства и имитации. Именно в таком качестве и современное казачество интересно для человека массовой культуры, который не хочет стать полностью запрограммированным на «пустое» потребление готовых продуктов духовного производства.

Изучая фундаментальный литературный памятник «Тихий Дон», естественно напрашивается вывод, что праздник оформляется как временное выключение многообразных социальных регуляторов обыденного ритма жизни и переход на качественно иные, безусловно, эмоционально положительно окрашенные способы организации межличностного взаимодействия, в котором личность могла реализовать себя в большем диапазоне свободы. В отличие от потока многочисленных псевдопраздников современной массовой культуры традиция оформляет их как источник подлинно человеческих установок, реализуемых в потоке жизнедеятельности субъектом для самого себя и для другого без внешнего принуждения и тем более без оценивания.

Поражает высокая культура праздничного времяпрепровождения (личная и коллективная), которая естественно автоматически не формируется, она выступает как конечный продукт длительной и во многом скрытой от читателя социализации. Писатель не описывает этого подготовительного этапа формирования «играющих в праздник людей», даже в последующих эпических произведениях – «Поднятая целина», данный фрагмент оказывается опущенным. К примеру, в «Поднятой целине» не описывается свадьба Андрея Разметнова, она ограничена несколькими строчками, из которых сложно понять «тело» праздника.

Смех, юмор – это неотъемлемая часть народного духа. В сценах с дедом Щукарем – хуторским стариком-балагуром, смех помогает героям в трудных ситуациях, вселяет естественную жизнерадостность и оптимизм, сглаживает тяжелые будни хуторян, вселяет в них надежду и веру в светлое будущее. Произведения М.А. Шолохова, наряду с монументально-эпическими описаниями исторической эпохи, предлагают нам широкую картину жизнерадостного дискурса, но при этом читатель отдает себе отчет, что во многом показанные паттерны неразрывно связаны с тем социальным временем и, следовательно, им же и ограничены.

Современный человек зачастую не испытывает естественной радости жизни. Э. Фромм в работе «Человек для самого себя» начал с тезиса о том, что «человеческое счастье – это маркер продуктивности существования» [6, с. 181]. Под продуктивностью Э. Фромм понимал способность человека применять свои силы, реализуя заложенные в нем возможности. Можно сказать, что участие в производительном труде было той «продуктивной силой» в жизни казаков и приносило им удовлетворение, радость и смысл жизни. Честный труд, честная служба являлись показателем духовной силы, порядочности и нравственных представлений личности казака. А хороший отдых после трудового дня или службы всегда приносил огромную радость. Только сочетание труда с отдыхом позволяет вести гармоничную радостную жизнь.

Если идея счастья в эпоху становления капитализма была неразрывно связана с ценностями труда и индивидуальной свободы, то в последующем общество производителей шаг за шагом стало превращаться в общество потребителей. Как отмечает Т. Воронцова: «Труд перестал быть радостью, радость переместилась в сферу досуга. Распалась взаимосвязь ценностей и целей, со-

единяющая счастье с долгом, ответственностью, трудолюбием, взаимности обязательств, которые поддерживали и ограничивали друг друга» [2, с. 6].

Знаменитая фроммовская дилемма иметь или быть в современном обществе чаще всего решается в пользу модуса обладания («иметь») и не может являться продуктивной ценностью. «Высшей целью жизни, – по Э. Фромму, – является счастье (то есть максимум радостных эмоций), счастье определяется формулой: удовлетворение всех желаний или субъективных потребностей, это и есть радикальный гедонизм» [7, с. 9]. Но стремление к достижению «гедонистического счастья» стало основой идеологии общества потребления и привело к разрушению традиционных ценностей общества. Утвердился культ праздности вместо культа труда.

Подобное положение, видимо, отражает трагичность и противоречивость мироощущения индивида современного общества. В то же время парадоксальность ощущения потери радости жизни современного человека заключается в том, что на самом деле любой человек, в том числе современный казак, не может лишиться ощущения радости ни при каких обстоятельствах, а сама интенция радости всегда может быть найдена. Пожалуй, что самым распространенным суррогатом кратковременной радости сегодня является потребление. Приобретая что-то, человек, уже одержим новыми желаниями и не способен к естественным (в традиционном понимании) проявлениям радости и позитивной оценке настоящего. Массовое (информационное) общество объективно также уменьшает радость от живого общения между людьми.

Поэтому правомерен вопрос о возможности индивидов стать хотя бы временно подлинно счастливыми. Этот тезис сформулируем так: определенная часть людей, в том числе и представители современного казачьего сообщества, с готовностью лишь изображают, лишь внешне имитируют свою радость, лишь формально обозначают это состояние во многом по обязанности казаться, а не быть радостными в присутствии значимого для них другого. Логично возникает проблема определения подлинно радостных и мнимо радостных людей, которая не получает в современных условиях деятельного разрешения, так как критерии не могут быть объективированными по причине влияния субъективного в оценке: субъект настолько научился играть роль внешне довольного, как говорят сейчас «успешного человека», что и сам может принять игру за момент социальной реальности.

Но в сознании продолжает доминировать представление о некой автоматизированности, симулякрах радостного состояния, достаточно объявить праздник и субъект автоматически запустит соответствующий цикл перепрограммирования поведения в якобы радостное расположение духа. С другой стороны, тенденция сепарации радостного состояния в локальном жизненном пространстве становится значимой и приемлемой для массового и индивидуального сознания.

Преодоление отчужденности в современном обществе остается человеческой проблемой, как же субъекту в рамках его личного бытия стать подлинно радостным, счастливым. Без разрешения проблем, связанных с отчуждением человека от самого себя и общества, это просто невозможно. Поэтому опыт казачества в его первоизданном виде как опыт организации самодостаточной и цельной жизнедеятельности заслуживает дальнейшего изучения и серьезного внимания исследователей.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Гуревич А.Я.* Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. 1988. № 6.
2. *Воронцова Т.Н.* Счастье как ценность в философском дискурсе // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2015. Вып. № 2 (16).
3. Казачий словарь-справочник: В 3 т. / Сост. Г.В. Губарев; Ред.-изд. А.И. Скрылов. М., 1992.
4. Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994.
5. *Савельев Е.П.* Казаки. История: В 3 т. Владикавказ, 1991.
6. *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М.: Изд-во Республика, 1993.
7. *Фромм Э.* Иметь или быть? М.: Изд-во АСТ, 2016.

R E F E R E N C E S

1. *Gurevich A.Ya.* Study of mentalities: social history and the search for the historical synthesis // Soviet Ethnography. 1988. No 6.

2. *Vorontsova T.N.* Happiness as a value in philosophical discourse // Bulletin of the Don state agrarian university. 2015. No 2 (16).
3. Cossack dictionary: 3 vols. / Comp. G.V. Gubarev. Ed. A.I. Krylov. M., 1992.
4. Peoples of Russia: Encyclopedia / Ed. V.A. Tishkov. M., 1994.
5. *Savelyev E.P.* The Cossacks. History: in 3 vols. Vladikavkaz, 1991.
6. *Fromm E.* Psychoanalysis and ethics. Moscow: Publishing house of the Republic, 1993.
7. *Fromm E.* To have or to be? Moscow: Publishing house AST, 2016.

28 июня 2019 г.
